

Арсен Ярахмедович Ахмедов

*Доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной
юридической академии, кандидат юридических наук*

E-mail: ahmedov.arsen@bk.ru

Влияние практики применения норм Гражданского кодекса РФ о злоупотреблении правом на правовую культуру субъектов гражданского права

Аннотация: Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» к основным началам гражданского законодательства отнесен принцип добросовестности. В статье отмечается, что закрепление в ст. 1 и 10 Гражданского кодекса РФ принципа добросовестности существенно повлияло на практику применения норм о злоупотреблении правом. Создается впечатление, что ранее участники оборота не считали добросовестность важной характеристикой своего поведения как субъектов гражданского права. В связи с этим случаи обращения в суд по поводу недобросовестности контрагента приобрели массовый характер. Автор призывает внимательно подходить к квалификации в качестве злоупотребления правом любого недобросовестного осуществления гражданских прав, особенно учитывая увеличение количества случаев, когда в связи с злоупотреблением правом суды признают сделки недействительными. Отмечается также, что излишний патернализм посредством применения принципа добросовестности может негативно сказаться на реализации его потенциала как инструмента, в том числе направленного на формирование правовой культуры населения.

Ключевые слова: принципы гражданского права, свобода договора, договорное право, правовая культура, злоупотребление правом, добросовестность, пределы и ограничения свободы договора.

Arsen Jarahmedovich Ahmedov

*Associate Professor of the Department of civil law of the Saratov
State Law Academy, candidate of legal sciences*

Impact of the Practice of Application of the RF Civil Code Norms Concerning Abuse of Law on a Legal Culture of Civil Law Subjects

Annotation: Federal law No. 302-FZ of 30 December 2012 “On insertion of amendments to chapters 1, 2, 3 and 4 of part one of the Civil code of the Russian Federation” refers the principle of a good faith to the basic principles of civil legislation. The article notes that the consolidation of the principle of good faith in articles 1 and 10 of the Civil code of the Russian Federation significantly influenced the practice of applying the rules on abuse of law. It seems that earlier the participants of turnover did not consider a good faith to be an important characteristic of their behavior as subjects of civil law. In this regard, cases of appeal to the court — about the bad faith of the counterparts have become massive. The author calls for a careful approach to the qualification as an abuse of the right of any unfair exercise of civil rights, especially minding an increase in the number of cases where courts recognize transactions as invalid in connection with the abuse of law. It is noted that excessive paternalism through application of the principle of a good faith can adversely affect the realization of its potential as an instrument, including aimed at the formation of the legal culture of the population.

Keywords: principles of civil law, freedom of contract, contract law, legal culture, abuse of law, integrity, limits and limitations of freedom of contract.

Добросовестность стала одной из ценностей гражданско-правового регулирования, отраженной в качестве принципа гражданского права с принятием Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Было бы неправильным считать, что ранее требование добросовестности не предъявлялось законодателем и правоприменительными органами к участникам гражданского оборота. Однако, как отмечает Э. П. Гаврилов, многие исследователи считали добросовестность «чумой» права, т. к. она делает незаконным все, противоречащее справедливости, растворяет право в морали, а профессор В. П. Грибанов, исследуя пределы действия гражданских прав, не упоминал о добросовестности, очевидно, потому, что считал ее неприемлемой для советского гражданского права². Вероятно, низкий уровень правовой культуры граждан вынудил законодателя обратить внимание субъектов гражданского права и правоприменителей на необходимость добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей. Если ранее суды были вынуждены применять аналогию права в случае отсутствия конкретной нормы и недобросовестности одного из контрагентов для принятия справедливого решения, то теперь Гражданский кодекс РФ содержит большое количество норм, раскрывающих содержание принципа добросовестности.

Представляется, что закрепление принципов права, ориентирующих граждан на формирование ценностей, определяющих их поведение, является весьма продуктивным способом повышения правовой культуры общества. Разрешая споры, суды указывают участникам процесса на необходимость действовать добросовестно при возникновении, изменении и прекращении гражданских

¹ См.: О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ст. 7627.

² См.: Гаврилов Э. П. О введении в ГК РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // Хозяйство и право. 2013. № 8. С. 64.

прав и обязанностей. В случае, если прежнее поведение участников процесса не соответствовало указанному требованию закона, суд привлекает правонарушителя к предусмотренной законом ответственности. В перспективе гражданам должны воспринять этот посыл государства, стимулирующего повышение правовой культуры населения.

Много внимания законодателем уделено борьбе с непоследовательным поведением участников процесса. Так, судам надлежит отказывать в удовлетворении исков о признании сделки недействительной и признании договора незаключенным, если предшествующее поведение истца давало контрагенту основание полагаться на действительность договора и признание его заключенным. Большинство исследователей подобное последствие именуют реализацией принципа эстоппель в гражданском праве России, что не было поддержано учеными, выступающими против использования в юридической литературе иностранной терминологии¹.

Принцип добросовестности нашел отражение в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав». Заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав согласно действующей редакции указанной нормы является одной из форм злоупотребления правом. В связи с этим в судебной практике почти любое недобросовестное поведение теперь может повлечь за собой применение последствий злоупотребления правом. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, принятые в течение последних нескольких лет, изобилуют ссылками на ст. 10 ГК РФ. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»² суд пять раз ссылается на ст. 10 ГК РФ — в пп. 14, 17, 21, 30 и 31. В Постановлении от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»³ Пленум Верховного Суда РФ трижды говорит о необходимости применения последствий злоупотребления правом в пп. 14, 16 и 21. Таким образом, злоупотребление правом, являвшееся исключительным инструментом, применимым только в тех случаях, когда посредством обращения к другим институтам гражданского права невозможно было добиться принятия справедливого решения по делу, стало достаточно распространенным механизмом защиты участников гражданского оборота.

В судебной практике сформировались определения понятия злоупотребления правом, на наш взгляд, излишне широко толкующие данную категорию и привносящие в нее дополнительную неопределенность. Злоупотребление правом — это поведение вопреки норме, предоставляющей соответствующее право, при котором лицо не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву

¹ См.: *Богданов Д. Е.* Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.

² См.: О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

³ См.: О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Российская газета. 2016. 5 дек.

обязанность¹. Вызывает удивление то, каким образом гражданин должен уловить интересы общества и государства при осуществлении права и соответствию свое поведение с публичными интересами. Интересно и то, что, осуществляя субъективные гражданские права, субъекты правоотношения должны исполнять некие корреспондирующие обязанности, т. е. правам лица корреспондируют его же обязанности.

Злоупотребление правом — это любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права². Данная дефиниция широко определяет признаки злоупотребления правом и не позволяет отграничить злоупотребление правом от иных видов гражданских правонарушений. Более того, в первую очередь Верховный Суд РФ говорит о последствиях злоупотребления, вызывающих необходимость защиты прав потерпевшего. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации³. Отмеченное можно рассматривать в качестве критериев добросовестности, которые следует отличать от оснований недобросовестности.

Особенно актуальной исследуемая проблема становится, если учесть, что в настоящее время все большее распространение получает практика применения недействительности сделки в качестве последствия злоупотребления правом. Между тем ст. 10 ГК РФ подобного последствия не предусматривает. Если изначально указанный правовой результат высшие судебные инстанции подразумевали как допустимый в редких случаях, когда защита иным способом невозможна, то теперь подобная практика получает все большую поддержку. Пожалуй, одним из первых дел, в котором недействительность договора стала последствием злоупотребления правом, является дело «Переделкино»⁴. В данном случае отдельные помещения были проданы организацией по заниженной цене, а впоследствии арендованы ей же у нового собственника. При этом арендная плата за несколько месяцев была равна цене в договоре купли-продажи. Данная сделка не являлась ни мнимой, ни крупной, единоличный исполнительный орган имел полномочия на ее совершение. Таким образом, суд не мог защитить бесспорно нарушенные недобросовестными действиями права юридического лица иначе, чем признав сделку недействительной со ссылкой на ст. 10 и 168 ГК РФ и применив последствия ее недействительности.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4; Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-54 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁴ См. п. 9 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 2).

Увеличение числа ситуаций, которые рассматриваются законодателем как злоупотребление правом, привело к сложностям с определением пределов свободы договора. Безусловно, предоставление большей свободы участникам договорных правоотношений, а также субъектам, находящимся в процедуре переговоров о заключении договора, — это благо. Существование принципа свободы договора невозможно без законодательно закрепленных и обоснованных пределов и ограничений. Неопределенный характер пределов свободы договора, основанных на принципах гражданского права, затрудняет реализацию принципа свободы договора. Помимо определенности пределов в юридической литературе отмечается соответствие пределов и ограничений свободы договора определенным целям, среди которых выделяются защита публичных интересов, защита интересов третьих лиц и защита слабой стороны договора.

Разберем примеры из судебной практики, которые, по нашему мнению, демонстрируют сложность в установлении наличия злоупотребления правом и несоблюдения пределов свободы договора. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-54 в качестве злоупотребления правом рассматривается дарение недвижимого имущества своей супруге при наличии неисполненной возложенной вступившим в законную силу судебным решением обязанности по возврату долга истцам. Истцы полагали, что заключение указанного договора свидетельствует о злоупотреблении правом и намерении причинить им вред. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указывает, что под злоупотреблением правом понимается поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, сопряженное с нарушением установленных в ст. 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия. По мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, злоупотребление правом в частности может выражаться в отчуждении имущества с целью предотвращения возможного обращения на него взыскания. Обстоятельствами, имеющими юридическое значение для установления злоупотребления правом, являются наличие или отсутствие цели совершения сделки, отличной от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок, наличие или отсутствие действий сторон по сделке, превышающих пределы дозволенного гражданским правом осуществления правомочий, наличие или отсутствие негативных правовых последствий для участников сделки, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц, наличие или отсутствие у сторон по сделке иных обязательств, исполнению которых совершение сделки создает или создаст в будущем препятствия¹.

Если ранее возможность защиты прав кредиторов в случае намеренного ухудшения имущественного положения должников вне процедуры банкротства практически отсутствовала, т. к. положения ст. 168—170 ГК РФ не применялись для оспаривания подобных сделок, то актуальная судебная практика породила еще один инструмент по борьбе со злоупотреблениями должников в обязательстве. Для того чтобы обосновать признание сделки недействительной, суд должен доказать наличие ряда обстоятельств:

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-54 // СПС «Консультант-Плюс».

1) наличие цели, отличной от обычной для сделок данного вида (определение наличия иной цели достаточно сложная задача, предположительное умозаключение о стремлении достичь иную цель не допускается, т. к. противоречило бы презумпции добросовестности);

2) возникновение реальных препятствий к исполнению обязательств в связи с совершением оспариваемой сделки (отсутствие иного ликвидного имущества у должника, наличие значительного долга);

3) наличие негативных последствий для третьих лиц (в каждом конкретном случае суды должны устанавливать, что противодействие негативным последствиям приоритетнее свободы договора, являющейся одним из основных начал гражданского законодательства);

4) наличие аффилированности между субъектами договора дарения или купли-продажи с неэквивалентным предоставлением. Во-первых, наличие родственных связей может свидетельствовать о том, что цель сделки отличается от обычной цели для сделок данного вида. Хотя утверждать, что связанность всегда является подтверждением того, что при совершении безвозмездной или неэквивалентной сделки ее стороны преследуют цель предотвращения возможного обращения взыскания на ее объект, тоже несправедливо. Во-вторых, с неэквивалентностью предоставления, на наш взгляд, надо быть еще аккуратнее, чем с безвозмездными сделками, несмотря на то, что и они могут вызывать подозрение. Принципиально важно правильно сочетать принципы свободы договора и эквивалентности встречного предоставления в договорах (особенно учитывая выделяемый в дореволюционной литературе договор смешанного дарения)¹.

Последствием злоупотребления в приведенном Постановлении ВС РФ стала недействительность договора дарения. Аналогичные судебные акты были приняты Верховным Судом РФ по договору дарения доли в уставном капитале общества другому участнику² и договору купли-продажи доли в праве собственности на квартиру сыну³ при наличии задолженности. Несмотря на то, что истцы не являлись стороной договоров, Суд удовлетворил требование истцов, процитировав абз. 2 п. 78 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, согласно которому «из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки».

Интерес вызывает и то, кого суды определяют в качестве злоупотребившего правом. В уже указанном деле «Переделкино» суд определил, что нарушение пределов осуществления права было совершено покупателем. Представляется не вполне логичным говорить о том, что приобретение по заниженной цене является злоупотреблением. Кроме того, несправедливо говорить о возможности осуществления права с целью причинить вред в ситуации, когда действия лица не обусловлены существованием между субъектами правовой связи. Считаю

¹ См.: *Симолин А. А.* Договор смешанного дарения // Вестник гражданского права. 1917. № 3/5. С. 26–48.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2016 № 303-ЭС16-5477 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2016 № 49-КГ16-18 // СПС «КонсультантПлюс».

показательную позицию Верховного Суда РФ, согласно которой частичное погашение денежного обязательства третьим лицом так, что размер основного долга должника перед кредитором не превысил порогового значения, необходимого для подачи заявления о банкротстве, является злоупотреблением правом третьими лицами¹. Если третье лицо не может доказать материального основания платежа, то частичное исполнение обязательства за должника, нарушающее законные интересы его кредиторов, является злоупотреблением правом. Более того, это могут быть разные третьи лица, что в ситуации, когда платежи, очевидно, осуществляются по просьбе должника, свидетельствует о злоупотреблении со стороны именно должника. Убеждены, что злоупотребление в подобных случаях всегда происходит по воле должника. Таким образом, злоупотребить правом может только субъект гражданского правоотношения.

Количество злоупотреблений субъектами гражданского права значительно, они распространены не только в обязательственных, но и в корпоративных, вещных правоотношениях, правоотношениях по осуществлению исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и т. д. Следует отметить, что ранее указание на недобросовестность и злоупотребление правом было скорее исключением, и суды редко прибегали к применению ст. 10 ГК РФ. Полагаем, что это могло приводить к несправедливости и правовому нигилизму, негативно сказывалось на правовом воспитании и повышении уровня правовой культуры граждан. Однако многие исследователи отмечают опасность безграничного расширения судебского усмотрения в связи с введением принципа добросовестности². Представляется, что существует опасность ухода к переоценке права или правовому идеализму, если судами будут установлены завышенные требования к добросовестности субъектов гражданского права. Этому способствуют отмеченные А. Я. Курбатовым бессистемность выражения принципа недопустимости злоупотребления правом, неопределенность и оценочный характер его содержания, споры относительно соотношения «злоупотребления правом» и «обхода закона», отмечаемые в юридической литературе³.

Излишний патернализм не решает проблемы правового воспитания населения, хотя борьба с недобросовестным поведением направлена на формирование уважительного отношения к праву и установки о необходимости соблюдения правовых предписаний. Повышению уровня правовой культуры способствует приобретение знаний о праве, опыта участия в правовых отношениях, в том числе и неудачного. Убеждены, что закрепление принципа добросовестности способно уже в ближайшее время позитивно повлиять на отношение граждан к праву и судебной системе. Приведенные примеры из практики демонстрируют, что наметились серьезные изменения в этом направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов, Д. Е. Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях / Д. Е. Богданов // Законодательство и экономика. — 2016. — № 2. — С. 44–49.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 15.08.2016 № 308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Микрюков В. А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 21.

³ См., напр.: Курбатов А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. 2013. № 9. С. 36–43.

2. Гаврилов, Э. П. О введении в ГК РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // *Хозяйство и право*. – 2013. – № 8. – С. 3–9.

3. Курбатов, А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // *Закон*. – 2013. – № 9. – С. 36–43.

4. Микрюков, В. А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // *Журнал российского права*. – 2013. – № 6. – С. 17–24.

5. Симолин, А. А. Договор смешанного дарения // *Вестник гражданского права*. – 1917. – № 3/5. – С. 26–48.

References

1. Bogdanov, D. E. Novelty Grazhdanskogo kodexa RF s pozicii koncepcii dobrosovestnoj posledovatel'nosti v dejstvijah i zjavlenijah [Novelties of the Civil code of the Russian Federation from the standpoint of the concept of a good faith consistency in actions and statements] / D. E. Bogdanov // *Zakonodatel'stvo i jekonomika*. – 2016. – No. 2. – S. 44–49.

2. Gavrilov, Je. P. O vvedenii v GK RF obshhih norm, ustanavlivajushhih princip dobrosovestnosti [On introduction in the Russian Civil Code of the general regulations establishing the principle of good faith] // *Hozjajstvo i pravo*. – 2013. – No. 8. – P. 3–9.

3. Kurbatov, A. Ja. Princip nedopustimosti zloupotreblenija pravom: k starym problemam dobavilis' novye [Principle of non-abuse of law: new problems have been added to the old ones] // *Zakon*. – 2013. – No. 9. – P. 36–43.

4. Mikrjukov, V. A. Princip dobrosovestnosti – novyj npravstvennyj ogranichitel' grazhdanskih prav [Principle of good faith – a new moral constraint of civil rights] // *Zhurnal Rossijskogo prava*. – 2013. – No. 6. – P. 17–24.

5. Simolin, A. A. Dogovor smeshannogo darenija [A mixed contract of donation] // *Vestnik grazhdanskogo prava*. – 1917. – № 3/5. – P. 26–48.